

В.И. Короневский

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия*

УДК 94(470)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-221-233

ЗАЩИТНИЦА ПРАВОСЛАВИЯ ИЛИ БЛАГОЧЕСТИВАЯ КАТОЛИЧКА? СВ. СОФИЯ СЛУЦКАЯ В НАРРАТИВАХ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА¹

Ключевые слова: София Слуцкая; православие; католицизм; уния; святость; Речь Посполитая; Великое княжество Литовское; Российская империя; Слуцк; Януш Радзивилл.

Статья посвящена истории восприятия русскоязычными (архимандрит Афанасий (Вечорко), священник Григорий (Кулжисинский), Ф.Ф. Серно-Соловьевич и др.) и польскоязычными (Ю. Крашевский, Ю. Осиповская, В. Сырокомля, Т. Корвин-Шимановский) авторами XIX – начала XX века фигуры св. Софии Слуцкой, канонизированной Православной церковью. По вопросу о конфессиональной принадлежности святой в начале XXI века имела место полемика в белорусских церковно-исторических кругах. Обосновывается точка зрения, согласно которой два противоположных взгляда на вероисповедание святой княгини сформировались уже в XIX веке, хотя в ту эпоху их сторонники и не вступали в открытый спор. Выделяются две нарративные традиции, в рамках которых св. София соответственно воспринимается как православная, защищавшая своих единоверцев в Слуцке от давления со стороны унии, или как последовательница католицизма (у разных авторов – римского или греческого обряда), чья связь с православием была незначительной. Особое внимание уделяется связи роста влияния культа св. Софии на рубеже XIX–XX веков с достигшим тогда своего расцвета концептом «Слуцк – оплот гонимого православия в Речи Посполитой», который активно развивался православными авторами Минской епархии в указанный период.

Примечательным явлением в современной истории исследований религиозности элит Великого княжества Литовского XVI–XVII веков стала дискуссия о конфессиональной принадлежности княгини Софии Юрьевны из рода Олельковичей–Слуцких (1585–1612), в 1984 году прославленной Православной церковью в составе Собора белорусских святых. В 2000–2010-е годы традиционный взгляд на Софию как на преданную сторонницу православия был

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): «Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, образ, память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

поставлен под сомнение в трудах ряда историков, в первую очередь А.А. Скепьян. С опорой на новые архивные находки белорусская исследовательница аргументировала тезис о принадлежности Софии Слуцкой к католическому вероисповеданию [Скеп'ян, 2013, 153–205]. Ответом стали критические статьи, авторы которых отстаивали истинность традиционного православного взгляда на святую княгиню [Виталий (Антоник), протоиерей, 2012, 166–181; Павел (Бубнов), протодиакон, 2020, 58–109].

Не углубляясь в подробности современной дискуссии, отметим, что поллярные точки зрения на вероисповедание Софии, ее личность и деятельность появились задолго до начала XXI века, так что мы считаем уместным говорить о своеобразной «предыстории» современных споров, истоки которых следует искать во временах, когда Слуцк, как и все прочие территории бывшего Великого княжества Литовского, входил в состав Российской империи. Цель данной статьи – проследить процесс формирования представлений о конфессиональной принадлежности княгини в нарративах XIX – начала XX века.

Для начала обратимся к биографии самой Софии. Будущая святая, появившаяся на свет в 1585 году, была представительницей княжеского рода Олельковичей-Слуцких, долгое время сохранявшего верность православию. Осиротев в раннем возрасте, она осталась не только последней представительницей своей фамилии, но и наследницей обширных владений. София оказалась под опекой католиков Ходкевичей – одного из наиболее влиятельных магнатских родов Великого княжества Литовского. В 1594 году Иероним Ходкевич заключил договор с Радзивиллами, согласно которому по достижении взрослого возраста София будет выдана замуж за кальвиниста Януша Радзивилла. Однако в последующие годы отношения между магнатами серьезно испортились, и в 1600 году на улицах Вильно чуть было не разыгралась кровопролитная битва между Радзивиллами и Ходкевичами за руку княжны и ее имущество. В итоге компромисс был найден, и наследница князей Слуцких все-таки стала женой Януша Радзивилла. В 1612 году 27-летняя княгиня скончалась при родах и была похоронена в Слуцком Свято-Троицком монастыре.

Согласно традиционной точке зрения, принятой в современной православной литературе, княгиня, хоть и была воспитана католиками, все же оставалась православной, как и большая часть представителей ее рода. Выйдя замуж за Януша Радзивилла, она использовала свое влияние на мужа для защиты православной веры в Слуцке и препятствовала распространению на этих землях унии. Именно заступничество за православных в эпоху укрепления позиций католицизма на восточных территориях Речи Посполитой принято считать главной заслугой Софии перед Церковью [Масленицына, Богодзьяж, 2012].

После кончины княгини многие авторы посвятили ей свои произведения. Характеризуя усопшую, они расставляли акценты не так, как более поздние православные авторы: заслуги Софии перед верой ими не упоминались.

В многочисленных эпитафиях и похоронных речах, исследованных М. Ярчиковой, отмечались два аспекта. Во-первых, факт преждевременной кончины любимой жены Януша Радзивилла, рожденные которой дети также умерли и не оставили ничего безутешному мужу [Jarczykowa, 2012, 95]. Во-вторых, смерть последней из князей Олельковичей-Слуцких, на которой древний род, «Olgirdowe plemię», окончательно прерывался [Jarczykowa, 2012, 96].

За небольшими исключениями [Klecha, 2017, 20–22] последующие за погребением Софии два столетия не обогатили польскоязычную литературу произведениями, посвященными слущкой княгине. Однако уже в XIX веке ситуация изменилась. Автором первого и, вероятно, наиболее популярного художественного произведения о княгине стал Ю. Крашевский. Его повесть «Ostatnia z książąt Słuckich: kronika z czasów Zygmunta trzeciego» увидела свет в 1841 году. Действие преимущественно разворачивается в 1599–1600 годах, накануне свадьбы Софии и Януша Радзивилла. Основной текст автор предваряет обширным введением о состоянии Литвы в конце XVI века, в котором рассказывает о проблемах эпохи Сигизмунда III [Kraszewski, 1841, t. 1, 13–40]. Наибольшее внимание писатель уделяет разрывавшим Речь Посполитую противоречиям между представителями разных конфессий. Один из наиболее громких раздоров подобного рода представляет для него особый интерес.

Вплоть до последних глав произведения главными действующими лицами являются протестанты Радзивиллы и католики Ходкевичи, а не сама слущкая княгиня. Раздраженные взаимными оскорблениями, они не хотят искать компромисс по поводу брака Януша и Софии, из-за чего едва не начинается кровопролитная братоубийственная война. Прийти к соглашению удастся в последний момент, а окончательно конфликт разрешается лишь через вмешательство сейма перед лицом нарастающей угрозы со стороны иноземных неприятелей. Тем не менее полноценного единения все равно не наблюдается: писатель грустно отмечает, что в ближайшем походе в Молдавию Ходкевичи приняли активное участие, а Радзивиллы от такового уклонились [Kraszewski, 1841, t. 1, 101]. Крашевский дает понять читателю, что, пусть в конкретном случае гражданская война и была предотвращена, раздоры внутри Речи Посполитой на этом не закончились.

Сама София у Крашевского на протяжении всей книги тяжело страдает. Она любит Януша, но не считает возможным подвести своих опекунов-благодетелей. Еще больше ее пугает возможность стать причиной кровопролитной междоусобицы, которая приведет к гибели множества людей. В конечном итоге она выходит замуж за Радзивилла, однако их брак оказывается несчастливым, и в конце повествования княгиня трагически умирает.

Конфессиональной принадлежности Софии Крашевский не уделяет особого внимания, хоть и изображает ее чрезвычайно религиозной. Тем не менее по косвенным признакам позицию автора определить нетрудно. В тексте отмечается, что княгиня молится отдельно от католиков Ходкевичей,

однако не вызывает их раздражения, в отличие от «еретика» Радзивилла или «схизматика» Острожского [Kraszewski, 1841, t. 2, 66]. Набожная девушка готова отказаться от брака с Янушем, если на то не будет благословения римского папы [Kraszewski, 1841, t. 2, 161]. Вопросы замужества ей разъясняет униат Иосиф Рутский [Kraszewski, 1841, t. 2, 161–162]. Местом венчания стал «Jezuicki kościół», причем со стороны невесты присутствовал «Unicki Mnich Ruski» [Kraszewski, 1841, t. 3, 113]. Наконец, на смертном одре княжна ведет разговор с базилианином о. Прокопом, которому отдает распоряжение вечно молиться о ее душе и душах ее предков в «waszem Słuckim Monasterze» [Kraszewski, 1841, t. 3, 144–149]. Таким образом, Крашевский воспринимал Софию как униатку, хотя и не придавал ее конфессиональной принадлежности определяющего значения: судьба Софии привлекала автора своей драматичностью и была вписана им в общий трагический контекст истории страдавшей от внутренних неурядиц Речи Посполитой.

Спустя год после издания повести Крашевского свет увидело другое произведение о княгине под названием «Zofia Ołkiewiczówna księżniczka słucka». Его автором стала польская писательница Ю. Осиповская. В отличие от Крашевского, она писала не столько «хронику из времен Сигизмунда III», сколько историю несчастной девушки, которую судьба заставила сделать тяжелый выбор между личным счастьем и предотвращением междоусобной войны в родной стране. София у Осиповской – литературный персонаж эпохи романтизма. Она готова променять знатность и богатство на жизнь в уединенной «chatkę nad Niemnem» и возможность свободно располагать своим сердцем [Osipowska, 1842, t. 1, 15]. Влюбившись в Сигизмунда Батория, племянника покойного короля Стефана, в результате трагического недоразумения и интриг иезуита Игнатия София, эта «bohaterka-męzczennica», выражаясь словами А. Клехи [Klecha, 2017, 25], вынуждена выйти замуж за нелюбимого Януша, чтобы избежать кровопролитной битвы между Ходкевичами и Радзивиллами.

Слущкая княгиня изображается Осиповской как человек выдающихся нравственных достоинств. София самоотверженная, чуткая и искренняя. Более того, она ярая патриотка Речи Посполитой, преклоняющаяся перед памятью Стефана Батория [Osipowska, 1842, t. 1, 66]. Писательница делает свою героиню римо-католичкой и наделяет исключительным благочестием. Ее София почитает св. Казимира и с благоговением слушает проповеди Петра Скарги [Osipowska, 1842, t. 1, 187], а ее удивительную набожность отмечает сам Сигизмунд III [Osipowska, 1842, t. 1, 188]. По-видимому, католическое благочестие княгини призвано завершить созданный Осиповской безупречный образ и подчеркнуть драматичность выбора, который Софии приходится делать в конце повести.

Следующий художественный текст о Софии – трагедия «Możnowładcy i sierota» – увидел свет уже в конце 1850-х годов. Ее автором

стал уроженец Минщины В. Сырокомля, несколько лет прослуживший в Несвиже и имевший доступ к документам Радзивиллов. В его трагедии присутствуют те же мотивы, что и в произведении Осиповской. София, «героиня-мученица», жертвует своим счастьем ради сохранения мира в Речи Посполитой. В роли возлюбленного княгини, которого она вынуждена отвергнуть, на этот раз выступает не Сигизмунд Баторий, а Ян Кароль Ходкевич, что придает противостоянию магнатских родов еще больший накал. В одной из последних сцен случая «Елена Троянская» в ответ на восклицание Яна Кароля о том, что Радзивилл недостоин ее жертвы («Janusz niegodzien»), отвечает: «Ale Polska godna». Ходкевич, проникнувшись патриотизмом Софии и осознав, что должен поступиться своими интересами ради родины, отпускает возлюбленную [Syrokomla, 1859, 126].

В отличие от Осиповской и Крашевского, Сырокомля мало пишет о религиозности княгини. Тем не менее и для него, как и для упомянутых ранее авторов, она является католичкой. Такой вывод можно сделать по одной из реплик Кшиштофа Радзивилла (отца Януша), в которой он, кальвинист, описывая приготовления к свадьбе, отмечает, что готов даже позвать «kapłana Katolickiej wiary» [Syrokomla, 1859, 92]. Не вызывает сомнений, что адресатом подобной уступки являлась девушка, которой предстояло вступить в брак с его сыном, то есть сама София.

Упомянем и четвертое польскоязычное произведение о Софии, созданное в указанный период. Небольшая поэма «Zofija Olielkiewiczówna, księżniczka Słucka» вышла из-под пера Т. Корвин-Шимановского в 1891 году [Korwin-Szymanowski, 1891]. По всей видимости, она была вдохновлена повестью Ю. Осиповской: на это указывают как схожие мотивы (несчастливая сирота выдающихся нравственных достоинств вынуждена выбирать между любовью и миром в стране), так и особенности фабулы произведения (Сигизмунд Баторий в качестве истинного возлюбленного княжны). Тем не менее, в отличие от ярой католички, которую изобразила Осиповская, поэт представил читателю деву, не предающуюся размышлениям о религии. О конфессиональной принадлежности и о набожности Софии Корвин-Шимановский не пишет ничего.

На этом список художественных произведений, написанных польскими литераторами XIX века и посвященных фигуре Софии, заканчивается. Несмотря на некоторые различия, авторы трех первых текстов, созданных в 1840–1850-е годы, смотрят на Софию под одним и тем же углом, и их произведения отличают две важные характерные черты.

Во-первых, в каждом из произведений в качестве ключевого события жизни Софии фигурирует конфликт Ходкевичей и Радзивиллов из-за ее брака с Янушем. Именно вокруг этого драматичного спора выстраивается все повествование. Осиповская и, в меньшей степени, Крашевский опреде-

ленное внимание уделяют также кончине княгини, однако значимой смысловой нагрузки соответствующие главы не несут: писатели вводят их, чтобы лишний раз подчеркнуть трагичность судьбы последней представительницы рода Олельковичей-Слуцких. О деятельности Софии после заключения брака ни один из авторов не пишет.

Во-вторых, главным положительным качеством Софии, по мнению всех трех авторов, становится ее готовность пренебречь личным счастьем ради более высокой цели: предотвращения кровавого побоища и сохранения единства внутри Речи Посполитой. Религиозность княгини, будь она униаткой, как у Крашевского, или римо-католичкой, как у Осиповской и Сырокомли, не является ее главной отличительной чертой, а лишь дополняет светлый образ патриотичной «героини-мученицы», готовой к самопожертвованию во имя блага отчизны.

* * *

Иной взгляд на личность Софии и ее судьбу сложился в православной среде. К сожалению, на данный момент невозможно установить, когда зародилась традиция почитания слущкой княгини в качестве святой: имеющиеся скудные источники не позволяют удовлетворительно ответить на вопрос о формах, которые память о княгине принимала в XVII–XVIII веках. Мы можем лишь утверждать, что к 1680-м годам она не была забыта местными монахами: на это указывает упоминание Софии в числе «благочестивых князей Богом спасаемого града Слуцка» в Слуцком синодике 1684 года, опубликованном Д.В. Скрынченко [Скрынченко, 1914, 5].

Наиболее ранний из известных источников, автор которого бесспорно считал княгиню святой, был создан уже в XIX веке. Он известен под названием «Чудеса Благоверной Слуцкой княгини Софии Олельковны, мощами своими в Слуцком Свято-Троицком монастыре нетленно почивающей». Оригинал документа, к сожалению, не сохранился: современный исследователь вынужден довольствоваться текстом, который в 1912 году опубликовал архимандрит Слуцкого Троицкого монастыря Афанасий (Вечорко), уже тогда жаловавшийся на ветхость рукописи [Афанасий (Вечорко), архимандрит, 1912а, 9–10]. Автор, слущкий иеромонах Маркиан, пишет о событиях 1811–1812 годов, участником которых являлся сам, и отмечает два чуда, связанных с заступничеством Софии. Первое из них случилось в 1811 году, когда недуг поразил «большой перст правых руки» иеромонаха. «Повинуясь промыслу», он стал молить благоверную княгиню об исцелении и получил его. Второй случай имел место в 1812 году. Согласно Маркиану, еще при жизни София предсказала, что, если в тяжелые времена ее останки будут обнесены вокруг города, беда пройдет мимо Слуцка. Когда к Слуцку подошли французы, как отмечает Маркиан, горожане хотели выполнить указание княгини, но архимандрит Троицкого монастыря не

позволил им сделать это. В итоге «во граде сем не бе ни единыя души поражения, но токмо в монастыре бе разграбление» [Афанасий (Вечорко), архимандрит, 1912а, 10].

Согласно Афанасию (Вечорко), указание княгини все-таки было выполнено жителями Слуцка в 1848 году, когда в городе свирепствовала холера. Мощи Софии были пронесены по городу, и эпидемия стихла. Это чудо, как и чудеса, описанные Маркианом, свидетельствует, что в первой половине XIX века в Слуцке уже существовала традиция почитания мощей местной святой заступницы. Тем не менее цельного нарратива, системно излагающего православный взгляд на жизнь и подвиги благоверной княгини, представленного житием или хотя бы основательной газетной статьёй, к 1848 году все еще не существовало.

Однако в этом же году в «Собрании древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам» с пометкой «с древнего списка» было опубликовано письмо Януша Радзивилла римскому папе, датированное 1600 годом. В тексте сам Януш называет себя католиком, а София представлена как сторонница иной религии, под которой понимается православие [Собрание древних актов и грамот, 1848, 66–67]. В наши дни факт поддельности опубликованного в 1848 году письма не вызывает сомнений: сравнение публикации из «Собрания древних грамот» и документа, обнаруженного А.А. Скепьян в архиве Ходкевичей, показало, что о принадлежности Софии к православию, а кальвиниста Радзивилла к католицизму в оригинале письма речи не шло [Скеп'ян, 2013, 181–184]. Тем не менее на авторов второй половины XIX – начала XX века подложный текст письма Януша Радзивилла оказал влияние, став одним из источников, на основании которых публицисты пытались реконструировать биографию слуцкой княгини.

Немногочисленные источники 1850–1860-х годов, в которых встречаются упоминания о Софии, содержат противоречащие друг другу истории о ее отношениях с Янушем Радзивиллом и роли в судьбе слуцкого православия. Так, в книге П.М. Шпилевского «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю», опубликованной в 1858 году, упоминается, что по совету духовника Софии, отца Прокофия, Радзивилл построил в Слуцке две православные церкви. П.М. Шпилевский утверждает, что Януш не только покровительствовал православным, но и сам был «православным до смерти жены». О деятельности Софии при этом не говорится ничего [Шпилевский, 1858, 55].

Альтернативная точка представлена в опубликованном в 1868 году стихотворении священника Григория (Кулжинского) «Святая слуцкая княгиня София». Автор изображает героиню образцом преданности православию: она хранила веру предков, несмотря на то что «муж фанатик из околиц манил ее в кальвинский сонм». Григорий (Кулжинский) представляет Софию именно как персонализированный «пример борьбы с врагом», но не

как защитницу Православной церкви, а в качестве ее искуителей в стихотворении выступают не католики, а кальвинисты. Тем не менее в тексте стихотворения присутствуют отсылки к свойственному поздней агиографии Софии мотиву борьбы против натиска унии, католицизма и «полонизма». В частности, автор подчеркивает, что действие происходит «в Слуцке древле-православном, не гнувшем выи пред ляхом». Также в конце стихотворения священник риторически обращается к Софии, призвав ее молить Христа, «чтоб несчастная страна забыла унию скорее» [Григорий (Кулжинский), священник, 1868, 1–2].

Идеи, зачатки которых просматриваются в указанном стихотворении, в полной мере были развиты в нарративах 1890–1910-х годов. Первым крупным текстом этого периода, уделяющим внимание Софии, следует признать работу Ф.Ф. Серно-Соловьевича «Слуцкая старина», опубликованную в журнале «Русский паломник» в 1891 году и в дальнейшем изданную отдельной брошюрой. Публицист утверждает исключительную роль Слуцка как города, который «крепко держал знамя православия от начала своего основания до настоящего времени». По мнению автора, «ни один иезуит не смел сюда показаться, и между населением ни один из православных случан не изменил вере своих предков, не перешел в унию или католицизм» [Серно-Соловьевич, 1891б, 105–107]. Излагая историю Слуцка и его святынь и включая в их число, в частности, мощи св. Гавриила Белостокского (Слуцкого), автор упоминает и об останках Софии. Слуцкую княгиню он характеризует как почитаемую в народе святую, которая при жизни была сторонницей православия и даже поставила своему мужу обязательное условие: дети, рожденные в браке, непременно должны быть православными. Сделано это было, «так как Януш Радзивилл был сначала католиком, а потом кальвином» [Серно-Соловьевич, 1891а, 438–439].

До 1914 года было издано и несколько других текстов, авторы которых во многом следовали за Ф.Ф. Серно-Соловьевичем: описывая историю Слуцка как оплота православия, они упоминали в числе главных городских святынь мощи св. Софии и приводили краткие сведения о ней самой [Глебов, 1904, 61–63; Город Слуцк как оплот православия, 1908, 2–3; Св. мученик младенец Гавриил Слуцкий, 1914, 281–285; Нивич, 1914, 1–2].

Личность благоверной княгини стала объектом пристального внимания в 1912 году, в год трехсотлетия со дня ее кончины. Первое со времен Григория (Кулжинского) стихотворение посвятил Софии Л. Цветков, писавший, что ее деятельность пришлось на времена, когда «наш край несчастный» находился «под гнетом злобных поляков», а «Сигизмунд, король лукавый» здесь «насилом унию вводил». Слуцкая княгиня, наряду с Константином Константиновичем Острожским и Андреем Курбским, помещается Л. Цветковым, в число тех, кто «свершил подвиги благие», защищая угнетаемое в Речи Посполитой православие и русский народ [Цветков, 1912, 2].

В том же году было издано и жизнеописание святой, автором которого стал архимандрит случкого Свято-Троицкого монастыря Афанасий (Вечорко). Автор опирался на известные ему документы (включая публикацию письма Януша Радзивилла от 1848 года) и развивал мотивы предшествующих писателей. София изображается им как благочестивая православная княгиня, которая, несмотря на то что «муж зачастую обижал ее», все-таки имела на него влияние и использовала его для «защиты православия и русской народности». В частности, отмечается, что она не только заботилась о материальном обеспечении местных православных храмов и монастырей и принимала участие в деятельности местного православного братства, но и побудила своего мужа-католика остановить распространение унии в Слуцке [Афанасий (Вечорко), архимандрит, 1912а, 5–6]. Перепечатавший текст Афанасия (Вечорко) редактор «Гродненских епархиальных ведомостей» Н.И. Шелутинский восхищался «чарующим впечатлением», которое должен был получить «православно-русский человек нашего края», читая жизнеописание Софии. «Верность православию до смерти, поддержку его в злостные времена народившейся унии» он отмечал как выдающееся достоинство княгини, считая ее жизнь «уроком для нашего времени» и «славным воодушевляющим примером» [Афанасий (Вечорко), архимандрит, 1912б, 79–80].

В наиболее ярком виде образ Софии, защищающей православие от фанатичного католика Радзивилла, предстает у В.П. Лебедева в его рассказе «Святая княгиня». Произведение, опубликованное в 1914 году, состоит из двух частей. В первой жестокий Януш за незначительную провинность иступленно избивает плетью своего челядина Михася, приверженца «русской веры». Экзекуция прекращается только тогда, когда «в черной полумоношеской одежде» появляется княгиня и удерживает мужа от расправы над невинным. Вторая часть представляет собой диалог Софии и старого инока из случкого Свято-Троицкого монастыря. Из разговора персонажей читатель узнает, что София исключительно благочестива: в ее покоях «святые книги славянской печати разложены», а сама она накануне вернулась из пешего паломничества к одной из основанных ею православных церквей, «где в посте и молитве три дня провела». В конце рассказа она сожалеет, что слишком мало успела сделать для блага Православной церкви, и завещает хранить в монастыре реликвии, оставшиеся от нее и ее предков. Реликвии должны были вещать потомкам «о княгине Софии Юрьевне, что вела свой род от св. князя Владимира и верной дочерью была святой церкви православной» [Лебедев, 1914, 285–287].

В целом образ защитницы православия от натиска унии и католицизма выкристаллизовывался в нарративах XIX – начала XX века постепенно. Локальная традиция почитания нетленных останков Софии Слуцкой, выросшая, по-видимому, из обычая поминовения случких князей, сформировалась не позднее первой половины XIX века – более точная датировка на

основании имеющихся источников едва ли возможна. Первые тексты, вышедшие из православной среды и уделяющие внимание конфессиональной принадлежности благоверной княгини и ее отношениям с Янушем Радзивиллом, появляются в 1840–1860-е годы. Однако их свидетельства отрывочны и противоречивы: во второй трети XIX века единый православный взгляд на личность и жизненный путь Софии еще не сложился. Высказанный А.А. Скепьян тезис об искусственном конструировании в 1830-е годы культа Софии, будто бы изобретенного церковными и светскими властями в связи с «патрѣбамі дзяржаўнай ідэалогіі», так как «Праваслаўная царква пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг. шукала асоб, якія маглі б падкрэсліць вернасць мясцовай шляхты праваслаўю, стварыць супрацьвагу польскай нацыянальнай ідэі» [Скеп'ян, 2013, 153, 204], не может быть принят ввиду отсутствия каких-либо документальных подтверждений: на данный момент исследователи не располагают никакими свидетельствами, позволяющими говорить о роли официального Петербурга или хотя бы чиновников Минской губернии в деле развития культа св. Софии. По-видимому, существующий в наши дни образ княгини как заступницы православной веры сформировался уже в конце XIX – начале XX века в рамках создававшегося тогда усилиями православных публицистов и местного духовенства образа города Слуцка как оплота православия, выстоявшего в неравной борьбе с унией и римо-католицизмом. Нелегкая судьба святой защитницы «русской веры», противостоящей фанатичному мужу-католику, прекрасно вписалась в общую канву истории Слуцка, «не гнувшего выи пред ляхом». Для православных авторов рубежа столетий София стала одним из олицетворений истории ее родного города – цитадели православия на землях Речи Посполитой.

Таким образом, история двух противоположных точек зрения на конфессиональную принадлежность, личность и деятельность Софии уходит корнями в XIX – начало XX века. И хотя современные сторонники того или иного взгляда на вероисповедание благоверной княгини не апеллируют к художественным произведениям и публицистике XIX века, выстраивая свою аргументацию преимущественно на основании архивных документов, значительная часть их тезисов была впервые озвучена еще в позапрошлом столетии. Научная дискуссия начала XXI века стала одним из этапов длительного процесса формирования представлений о фигуре св. Софии Слуцкой, начало которому было положено еще во времена Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасий (Вечорко), архимандрит. Блаженная Слуцкая Княгиня София Юрьевна Оленько. Минск: Электро-типография С.А. Некрасова, 1912а. 13 с.

Афанасий (Вечорко), архимандрит. Блаженная Слуцкая княгиня София Юрьевна Оленько // Гродненские епархиальные ведомости. 1912б. № 9. С. 79–91.

Виталий (Антоник), протоиерей. Святая праведная София Слуцкая // Труды Минской духовной академии. 2012. № 10. С. 166–181.

- Глебов И.А. Город Слуцк (исторический очерк). Вильна, 1904. С. 53–81.
Город Слуцк как оплот православия // Братский листок. 1908. № 14. С. 2–3.
Григорий (Кулжинский), священник. Святая слущкая княгиня София. Минск, 1868. 2 с.
Лебедев В.П. Святая княгиня // Русский паломник. 1914. № 18. С. 285–287.
Масленицына И., Богодзяж И. София Слуцкая: повесть-эссе. Минск: Четыре четверти, 2012. 104 с.
Нивич Я. Народный праздник // Северо-Западная жизнь. 1914. № 87. С. 1–2.
Павел (Бубнов), протоиерей. История изучения биографии святой праведной Софии, княгини Слуцкой // ХРОНОС. Церковно-исторический альманах. 2020. № 7–8. С. 58–109.
Св. мученик младенец Гавриил Слуцкий // Русский паломник. 1914. № 18. С. 281–285.
Серно-Соловьевич Ф.Ф. Слуцкая старина // Русский паломник. 1891а. № 28. С. 438–442.
Серно-Соловьевич Ф.Ф. Слуцкая старина // Русский паломник. 1891б. № 7. С. 105–107.
Скеп'ян А.А. Князі Слуцкія. Мінск: Беларусь, 2013. 246 с.
Скрынченко Д.В. Слуцкий синодик 1684 года. Вильна: Изд. Сев.-Зап. отд. ГРО, 1914. 12 с.
Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск: Губернская типография, 1848. 402 с.
Цветков Л. Блаженная София княгиня Слуцкая // Минское слово. 1912. № 1517. С. 2.
Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб., 1858. 242 с.
Jarczykowska M. Przy pogrzebach rzeczy i rytmy: Funeralia Radziwiłłowskie z XVII wieku. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. 276 s.
Klecha A. Literackie kreacje Zofii z Olelkowiczów Radziwiłłowej, ostatniej księżniczki słuckiej (1586–1612) // Białostockie teki historyczne. 2017. T. 15. S. 11–33.
Korwin-Szymanowski T. Zofija Olielkowiczówna, księżniczka Słucka. Киев: Типография Г.Л. Францкевича, 1891. 31 с.
Kraszewski J. Ostatnia z xiążąt Słuckich. T. 1. Wilno: Wydawnictwo Józefa Zawadzkiego, 1841. 191 s.
Osipowska J. Zofia Ololkiewiczówna, księżniczka słucka. T. 1. Warszawa: Wydawnictwo Augusta Emmanuela Glucksberga, 1842. 196 s.
Syrokomla W. Zofija, Xiężniczka Słucka. Wilno: Księgarz A. Assa, 1859. 126 s.

V.I. Koronevskii
*Research Assistant,
Institute of History,
St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia*

The Defender of the Orthodoxy or the Pious Catholic? St. Sophia of Slutsk in the Narratives of 19th – early 20th Centuries

The paper is devoted to the history of the perception of St. Sophia of Slutsk by both Russian-language (Athanasius Vechorko, Gregory Kulzhinski, Feodor Sero-Solovievitch etc.) and Polish-language (Jozeph Krashevski, Josephine Osipovska, Vladislav Syrokomla, Teodor Korvin-Shimanovski) writers of the 19th – early 20th centuries. St. Sophia is canonized by the Orthodox Church. Despite that, in the early 21st century Belarusian historians debated her denomination. This article claims that the dispute related to the Saint's denomination is based on two competing points of view which formed in the 19th century, although, at that time their proponents did not debate. Two traditions of perception of Sophia

are distinguished. According to the first of these, Sophia was the defender of the Orthodoxy from the Catholics. Based on the second one, she was the Catholic of Roman or Greek rite who could hardly be related to the Orthodoxy. The link between the development of the Orthodox cult of Sophia at the turn of the 19th – 20th centuries and the elaboration of the concept «Slutsk – the stronghold of the persecuted Orthodoxy in the Polish-Lithuanian Commonwealth» is investigated.

Key words: *St. Sophia of Slutsk; Orthodoxy; Catholicism; Union; sanctity; the Polish-Lithuanian Commonwealth; the Grand Duchy of Lithuania; the Russian Empire; Slutsk; Janush Radziwill.*

REFERENCES

Afanasy (Vechorko), archimandrite. Blessed Slutsk Princess Sofia Yurievna Oelko [Afanasij (Vechorko), arhimandrit. Blazhennaya Sluckaya Knyaginya Sofiya YUr'evna Oel'ko]. Minsk: Elektro-tipografii S.A. Nekrasova, 1912. 13 p. (in Russian).

Afanasy (Vechorko), archimandrite. Blessed Slutsk Princess Sofia Yurievna Oelko [Afanasij (Vechorko), arhimandrit. Blazhennaya Sluckaya Knyaginya Sofiya YUr'evna Oel'ko]. *Grodno Diocesan Gazette*. 1912. No. 9, pp. 79–91 (in Russian).

Vitaly (Antonik), archpriest. Holy Righteous Sophia of Slutsk [Vitalij (Antonik), protoierej. Svyataya pravednaya Sofiya Sluckaya]. *Proceedings of the Minsk Theological Academy*. 2012. No. 10, pp. 166–181 (in Russian).

Glebov I.A. The city of Slutsk (historical essay) [Gorod Slutsk (istoricheskii ocherk)]. Vilna, 1904. pp. 53–81 (in Russian).

The city of Slutsk as the stronghold of the Orthodoxy [Gorod Slutsk kak oplot pravoslaviia]. *Bratskii listok*, 1908. No. 14. pp. 2–3 (in Russian).

Grigory (Kulzhinsky), priest. St. princess Sophia of Slutsk [Sviataia slutskaia kniaginya Sofiia]. Minsk, 1868. 2 p. (in Russian).

Lebedev V.P. The Saint Duchess [Sviataia kniaginya]. *Russian pilgrim*, 1914. No. 18. pp. 285–287 (in Russian).

Maslenitsyna I., Bogodziash I. Sophia of Slutsk: Story-essay [Sofia Slutskaia: Povest'-esse]. Minsk: Chetyre chetverti, 2012. 104 p. (in Russian).

Nivich I. The national feast [Narodnyi prazdnik]. *Severo-Zapadnaia zhizn'*, 1914. No. 87. pp. 1–2 (in Russian).

Pavel (Bubnov), protodeakon. The history of studying of the biography of saint righteous Sophia, duchess of Slutsk [Istoriia izucheniia biografii sviatoi pravednoi Sofii, kniagini Slutskoj]. *Chronos. Church-historical almanac*, 2020. No. 7–8. pp. 58–109 (in Russian).

St. Martyr young Gabriel of Slutsk [Sv. muchenik mladenets Gavriil Slutskii]. *Russian pilgrim*, 1914. No. 18. pp. 281–285 (in Russian).

Serno-Solovjevich F.F. The Slutsk antiquity [Slutskaia starina]. *Russian pilgrim*, 1891. No. 28. pp. 438–442 (in Russian).

Serno-Solovjevich F.F. The Slutsk antiquity [Slucheskaia starina]. *Russian pilgrim*, 1891. No. 7. pp. 105–107 (in Russian).

Skep'ian A.A. Slutskis Dukes [Kniazi Slutskiia]. Minsk: Belarus, 2013. 246 p. (in Belorussian).

Skrynchenko D.V. The 1684 Slutsk sinodik [Slutskii sinodik 1684 goda]. Vilna: Sev.-Zap. otd. GRO, 1914. 12 p. (in Russian).

The collection of the ancient charters and documents of the cities of the Minsk region, the Orthodox monasteries, the churches and different things [Sobranije drevnikh gramot i aktov gorodov Minskoj gubernii, pravoslavnykh monastyrei, tserkvei i po raznym predmetam]. Minsk: Gubernskaia tipografii, 1848. 402 p. (in Russian).

Tsvetkov L. Blessed Sophia, the princess of Slutsk [Blazhennaia Sofiia kniaginia Slutskaia]. *Minskoje slovo*, 1912. No. 1517, pp. 2 (in Russian).

Shpilevskii P.M. The journey in Polesia and the Belarusian land [Puteshestvije po Poles'iu i Belorusskomu kraiu]. St. Petersburg, 1858. 242 p. (in Russian).

Jarczykowa M. Things and rhythms at funerals: Radziwiłł funerals from the 17th century [Przy pogrzebach rzeczy i rytmy. Funeralia Radziwiłłowskie z XVII wieku]. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2012. 276 p. (in Polish).

Klecha A. Literary creations of Sophi Radziwiłł drom Olelkovichs, the last princess of Slutsk (1586–1612) [Literackie kreacje Zofii z Olelkowiczów Radziwiłłowej, ostatniej księżniczki słuckiej (1586–1612)]. *Białystok historical portfolios*, 2017. Vol. 1. pp. 11–33 (in Polish).

Korwin-Szymanowski T. Sophia Olelkovich, the princess of Slutsk [Zofija Olielkowiczówna, księżniczka Słucka]. Kiev: Tipografia G.L. Frantskevicha, 1891. 31 p. (in Polish).

Kraszewski J. The Last of the Slutskis Dukes [Ostatnia z książąt Słuckich]. Vol. 1. Wilno: Wydawnictwo Józefa Zawadzkiego, 1841. 191 p. (in Polish).

Osipowska J. Sophia Olelkovich, the princess of Slutsk [Zofia Olielkiewiczówna, księżniczka słucka] Vol. 1. Warsaw: Wydawnictwo Augusta Emmanuela Glucksberga, 1842. 196 p. (in Polish).

Syrokomla W. Sophia, Princess of Slutsk [Zofija, Xiężniczka Słucka]. Wilno: KsięgarzA. Assa, 1859. 126 p. (in Polish).

М.П. Беляев

*Государственный гуманитарно-технологический университет
Орехово-Зуево (Московская область), Россия*

УДК 94(430.245)

DOI 10.35785/2072-9464-2023-64-4-233-248

РЕГЕНСБУРГСКИЙ КОНВЕНТ КУРФЮРСТОВ 1636/1637 ГОДОВ И БОРЬБА БРАНДЕНБУРГА ЗА ИМПЕРСКИЙ МИР

Ключевые слова: коллегия курфюрстов; конвент; заседание; амнистия; заключение мира; Бавария; Вюртемберг.

Предметом исследования статьи является политика курфюршества Бранденбург, направленная на заключение мира с воюющими державами анти-габсбургской коалиции, в ходе Регенсбургского конвента. По мнению правившего императора, целью конвента было избрание римского короля – будущего императора Фердинанда III. Тем не менее своей задачей бранденбургский курфюрст Георг Вильгельм считал заключение мира, которому должна предшествовать амнистия в отношении сословий, не подписавших Пражский мир. В ходе подготовки к конвенту и самого конвента стало ясно, что саксонский курфюрст Иоганн Георг проводит антибранденбургскую политику. По его инициативе Бранденбург оказался втянут в войну со Швецией, затем Иоганн Георг предложил своему коллеге Георгу Вильгельму пойти на уступки: передать Швеции Померанию во имя мира в Империи. Бранденбург предложил начать переговоры, воспользовавшись посредничеством польского короля. Это было отвергнуто большинством курфюрстов. Затем приняли предложение начать